

РОМАН «СОН В КРАСНОМ ТЕРЕМЕ» — ВЕРШИНА КИТАЙСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ¹

...Какой у дочки тайный том
Дремал до утра под подушкой.

А. Пушкин. Евгений Онегин

1. ЭПОХА ВЕЛИКИХ РОМАНОВ

Роман в китайской литературе появился сравнительно поздно. Если говорить о народном, анонимном романе, родившемся из особого рода китайского сценического искусства, так сказать, театра одного актера — «рассказывания книг» (шо шу), то первые сведения о нем обнаруживаются в исторических источниках, относящихся к XII веку. Рассказчики книг «шошуды» брали какой-то хорошо известный исторический или иной сюжет — мифологический, легендарный, бытовой — и на его основе составляли сценарий. По этому сценарию они и вели свой рассказ, точно повторявший основные узлы сценария, но в промежутках оставляли место для свободной импровизации. Сохранилось несколько таких сценариев. Это довольно обширные произведения, явно рассказывавшиеся не в один прием, а за несколько вечеров. Большинство из них — это рассказы о тех или иных периодах китайской истории, о которых в народе сложились легенды. А легенды эти, в свою очередь, были использованы рассказчиками книг. Из десятка дошедших до нас народных романов — их обычно называют словом «пинхуа» («рассказы с оценкой») — только два не могут быть строго отнесены к историческим повествованиям: «Рассказ со стихами о том, как монах Трипитака добыл сутры» и «Забывшие дела годов Сюань-хэ при Великой Сун». Первый из них хотя и кладет в основу реальное путешествие в Индию за священными книгами китайского буддиста Сюань-цзана (600–664), но изложен в совершенно фантастическом плане: это описание приключений Сюань-цзана в вымышленных странах, к реальному путешествию монаха почти не имеющих отношения. Второй, также основанный на действительно происходивших событиях начала XII века, на поверку оказывается записью легенд о бурном периоде, когда Китай (называвшийся тогда Сун) пытался — далеко не всегда успешно — отражать нашествия северных соседей чжурчженей. Окончилось это

¹ Статья печатается по изданию: Цао Сюэ-цин. Сон в красном тереме: Роман в двух томах. Т. 1. М.: Полярис, 1997.

потерей государством Сун северной части страны, где чжурчжэни образовали свое государство Цзинь. Остальные дошедшие до нас пинхуа являются переложением событий из исторических сочинений с добавлением легенд, с этими событиями связанных.

Народный роман пинхуа в XIV веке лег в основу авторского романа, предназначенного уже не для слушателя, а для читателя, что исключает какую-либо импровизацию, но зато требует высокого словесного искусства. И действительно, китайский авторский роман явился как крупное литературное течение того периода, который — по тогдашнему названию страны — именуется обычно «периодом Мин» (1368—1644). Роман быстро оттеснил на задний план другие литературные направления этого периода (кроме, может быть, драмы), и очень часто о периоде Мин говорят как об эпохе великих романов. Этот новый для Китая вид литературы сохранил многие черты, указывающие на его связь с народными повествованиями пинхуа. В частности, главы в романе называются «разами» («первый раз», «второй раз» и т. д.), кончается глава («раз») на самом интересном месте (совсем как в пинхуа или в современных нам телесериалах), и потом добавляется: «Хотите узнать, что было дальше, услышите в следующий раз» (или «прочтете в следующей главе»), а новая глава начинается со слов: «В предыдущий раз (в предыдущей главе) было рассказано, как...»

Народное повествование (все равно, пинхуа или новелла «хуабэнь») обычно начиналось со стихотворного введения, где рассказчик сообщал, о чем сегодня пойдет речь. Завершался рассказ стихотворным резюме большого эпизода или всего рассказа. В самом тексте описания природы и наружности героев излагались образной ритмической прозой. Когда завершался промежуточный эпизод, давалась его оценка в виде двустишия. Все эти приемы сохранились и в авторском романе и, может быть, наиболее неопровержимо свидетельствуют о его происхождении от народного романа пинхуа.

Для китайской литературы характерен особый путь развития. Каждый из больших периодов отмечен господством какого-то направления, когда литераторы все силы устремляют главным образом на развитие и усовершенствование именно этого вида. Во время Тан (618—907) это были размеренные стихи (ши), отмеченные именами многих великих поэтов, среди которых такие, как Ли Бо, Ду Фу, Мэн Хао-жань, Ван Вэй, Бо Цзюй-и, Ли Шанинь и многие другие. Для времени Сун (960—1279) — разностопные стихи «на мотив» (цы) и ритмическая проза публицистического или философского характера (гувэнь). Период монгольской империи Юань (1278—1367) — это «золотой век» китайской драмы. Создание кистей великих писателей, то или иное направление достигает своего апогея в свой период, а потом, не исчезая из литературного обихода и творчества литераторов, все-таки отходит на второй план, становится традиционным. Утверждается новое течение обычно усилиями одного-двух выдающихся литераторов, их творения, произведя глубокое впечатление на современников, долгое время служат потом образцом для последующих писателей, использующих возможности открытой основателями новой формы, оттачивающих ее и доводящих ее до полно-

го выявления всех ее возможностей. Появляются произведения одно другого прекраснее. Но потом, когда возможности направления оказываются исчерпанными, бессмертные шедевры замещаются подражаниями, и направление уступает место другим формам, проходящим аналогичный путь развития.

История авторского романа в Китае начинается с двух шедевров, впитавших в себя весь опыт предшествующего жанра пинхуа. Первый из них — «Речные заводы» (Шуй-ху чжуань) — принадлежит кисти Ши Най-аня, второй — «Троецарствие» (Сань-го яньи) — его другу и ученику Ло Гуань-чжуну. Оба автора жили на переломе, когда иноземное монгольское государство Юань в результате народного восстания было заменено национальной империей Мин. Однако правление основателя Мин Чжу Юань-чжана (на троне в 1368–1398) оказалось жестоким и кровавым и не оправдало тех надежд, которые возлагали на нового правителя его соратники. Ши Най-ань, один из участников антимонгольского движения, отказался служить новому императору и посвятил остаток своих дней написанию романа «Речные заводы». Он не успел вполне закончить свое творение, завершил его Ло Гуань-чжун. В романе изображено восстание Сун Цзяна в начале 20-х годов XII столетия (оно, кстати, составило один из эпизодов пинхуа «Забывшие дела годов Сюань-хэ»). Ши Най-ань описал лагерь благородных разбойников, бежавших от несправедливостей властей. Они организуют союз Верных и Справедливых, где все равны и где царит справедливость и доверие друг к другу. Этот утопический союз оказывается непобедимым — до тех пор пока не идет на компромисс с императорской властью, после чего все сто восемь героев один за другим погибают. Роман «Речные заводы» стал образцом для последующих приключенческих и героических романов на несколько веков.

Второй роман — «Троецарствие» Ло Гуань-чжуна — также имел своего предшественника в «Пинхуа по истории Троецарствия». Но если в народном романе главная идея — предопределение, воздаяние правителям за несправедливые дела, то роман Ло Гуань-чжуна в ряде параллельных эпизодов демонстрирует, как следует и как не следует управлять, показывает достоинства гуманного правления. Оба романа не случайно были созданы двумя друзьями и единомышленниками. В них в скрытом виде таится протест против жестокости и деспотизма новой власти империи Мин, которой авторы отказались служить. После романа «Троецарствие» было написано множество романов на исторические темы, причем к XX веку все периоды китайской истории — от падения государства Инь и установления империи Чжоу в XII веке до н. э. до провозглашения Республики в 1911 году — оказались описанными в этих исторических эпопеях, бравших за образец роман Ло Гуань-чжуна.

Таким образом, китайский роман зародился как историческая эпопея и как повествование о героях. Тем большее впечатление произвел написанный в XVI веке роман У Чэн-эня (начало XVI в. — 1582?) «Путешествие на Запад» (Си ю цзи). Роман этот, в основу которого положено было действительное путешествие в Индию за священными книгами буддийского монаха Сюань-цзана (600–664), на самом деле представляет собой рассказ вполне легендарный о путешествии Сюань-цзана по фантастическим странам,

где Сюань-цзана и его спутников — царя обезьян Сунь У-куна, бессмертно-го борова Чжу Ба-цзе и Монаха Песков встречает множество препятствий, одолеваемых только с помощью волшебной силы и при поддержке самого Будды и его посланцев. И этот роман тоже стал образцом для многих более поздних произведений, описавших фантастические путешествия в разные страны света.

После исторического, героического и фантастического романов появляется и бытовой роман «Цзинь, Пин, Мэй» (названный так по именам трех ведущих женских персонажей), предтеча реалистического направления в китайской литературе. Автор скрылся под псевдонимом Насмешник из Ланьлина. Со времени написания романа в конце XVI века до нашего времени этот псевдоним раскрыть не удалось, хотя для этого предпринималось много попыток. И это неудивительно. В романе изображены очень ярко и достоверно разложение и бесчинства богатеев и властей предрежащих с очень ясными намеками на действительные дела верхушки общества. Замечателен он еще обильными эротическими сценами, равных которым по откровенности и разнообразию нет, пожалуй, во всей мировой литературе, хотя во многих литературах мира эротика сопровождала начало реалистической струи. Потом было написано много произведений густо эротических и попросту скабрзных, но по яркости описания быта и нравов и по великолепному языку ни одно из них не идет в сравнение с этим знаменитым романом.

Во всех четырех названных выше великих романах в той или иной степени присутствовал сатирический элемент, возраставший от романа к роману. Поэтому естественным оказалось рождение сатирического романа, во главе которого встал роман У Цзин-цзы (1701–1754) «Неофициальная история конфуцианства» (Жу линь вай ши). Он оригинален по форме. Во-первых, автор отказался от традиционных стихотворных заставок, концовок и промежуточных описаний. Во-вторых, роман представляет собою длинную цепь самостоятельных новелл, в каждой из которых изображен представитель чиновничьих кругов, причем они, эти представители, лишь как исключение люди честные и дельные, в массе же они продажны, жадны, жестоки, невежественны, надменны, готовы на всяческие нарушения закона ради собственной выгоды. В конце очередной новеллы-главы появляется новый персонаж, который становится ведущим в следующей новелле.

Наконец, последний в цепи великих романов становится «Сон в красном тереме» — он же признается вершиной китайской литературы и одной из высочайших вершин мировой литературы вообще.

2. «СОН В КРАСНОМ ТЕРЕМЕ» И ЕГО АВТОР ЦАО СЮЭ-ЦИНЬ

Роман «Сон в красном тереме» (Хун лоу мэн) впервые был издан в 1791 году в печатне Чэн Вэй-юаня, с двумя предисловиями: самого издателя и некоего Гао Э; в романе было 120 глав, причем по предисловию было ясно, что автор романа не успел его закончить и что закончил его Гао Э.

В следующем году «Сон в красном тереме» был еще дважды переиздан тем же издателем с поправками — второе издание и считается каноническим текстом романа, с него перепечатывались многочисленные издания XX века, в том числе и лучшее из них 1957 года.

Роман произвел на китайскую читающую публику самое глубокое впечатление. За два века после его появления он выдержал множество переизданий — больше, чем какое-либо другое произведение китайской литературы, если, конечно, исключить главный идеологический свод — конфуцианский канон, лежавший в основе китайского классического образования. Если искать ответ на вопрос, поставленный в эпиграфе, то в Китае это несомненно «Сон в красном тереме». Роман собрал в себе все великие достижения предшествующей китайской литературы вообще и романа в частности. В нем есть и фантастика — предыстория легендарного толка, вещие сны и тому подобное, — но не безудержная, как в «Путешествии на Запад», а весьма тактичная, органически входящая в ткань вполне реалистического повествования. Есть и тщательные описания быта в его мельчайших деталях, и любовные, достаточно откровенные сцены — как в «Цзинь, Пин, Мэй», но за всеми этими деталями скрывается плавно и логично развивающееся повествование. Есть и критическое нелицеприятное изображение нравов как богатых людей, так и бедняков — но в большей степени в романе важны описания обычной жизни людей, их забав, радостей и горестей. В романе много стихов. Но это не заставки, концовки, вставки, во множестве встречавшиеся в более ранних романах и бывшие (кроме «Неофициальной истории конфуцианства») неотъемлемой частью композиции повествования. Стихи эти по большей части сочиняют действующие лица романа, иногда в поэтических соревнованиях, очень распространенных в старое время в Китае, иной раз на случай, иной раз, чтобы полнее выразить свои чувства — и среди стихов, ими написанных, встречаются настоящие поэтические шедевры, особенно когда их пишут два главных героя — Цзя Бао-юй и Линь Дай-юй. В целом же стихи служат не столько украшением романа, сколько помогают характеристике героев. Сюжет романа — это история расцвета и разорения большой, богатой — несметно богатой — семьи, бездумно растратившей свои богатства, что навлекает на ее членов множество бед и невзгод.

В предисловии издателя Чэн Вэй-юаня названо имя некоего Сюэ-цинга из фамилии Цао, который «несколько раз перерабатывал» роман. Далее говорится, что широко распространены восемьдесят глав романа, однако доходили слухи, что всего глав в романе сто двадцать. После долгих поисков издателю удалось найти большинство недостающих глав (около тридцати). Один друг потрудился, приводя текст в порядок («подрезая слишком длинное и надставляя слишком короткое»), и теперь он решается выпустить в свет роман, напечатав его подвижным шрифтом (вещь не вполне обычная: китайское книгопечатание до XX века предпочитало не набор, а ксилографию — печатание с резных досок). Второе предисловие, принадлежащее упомянутому в первом предисловии Гао Э, говорит о его восхищении полной редак-

цией романа, предоставленной ему другом Чэн Вэй-юанем. Из всего этого можно понять, что вполне законченными оказались первые восемьдесят глав романа, последние же сорок хотя и существовали до издания Чэна, но в черновиках, которые еще пришлось приводить в порядок, каковую работу и проделал Гао Э.

Кто такой Цао Сюэ-цин, названный в предисловиях и упомянутый во вводной части первой главы романа, как якобы получивший уже готовый текст, высеченный на камне, который он лишь «десять раз читал и пять раз исправлял» и упорядочил, разделив на главы и дав главам названия, — кто этот человек, толком никто не знал до самого XX века. И это неудивительно: романы, написанные на разговорном языке байхуа, а не на классическом языке древних сочинений вэньяне, настоящей литературой в старом Китае не считались. И даже Гао Э, выразивший свой восторг словами: «Я был словно персидский раб, любующийся увиденной драгоценностью», все-таки добавляет: «Хотя книга эта и принадлежит к грубым рассказам и диким историям».

Пришел XX век — и многое изменилось в китайских воззрениях на литературу. Драма, роман, повесть и другая беллетристика, не без влияния знакомства с европейскими литературами, стали в один ряд с произведениями «высокой» прозы и поэзии и прочно вошли в историю китайской литературы как достойная и важная ее часть. Ученые нового времени Ван Го-вэй, Ху Ши, Чжэн Чжэнь-до и многие другие предприняли усердные поиски и одного за другим разыскали в китайских исторических трудах и в «описаниях уездов» (так назывались многочисленные произведения, которые мы сейчас назвали бы краеведческой литературой) авторов знаменитых романов, повестей, пьес, новелл, биографические сведения о них и другие их произведения. Среди новооткрытых великих писателей оказался и Цао Сюэ-цин.

Первая половина XVIII века, когда жил Цао Сюэ-цин, была временем великих перемен. В 1644 году в Китае вспыхнуло восстание Ли Цзы-чэна, под ударами которого империя Мин, пришедшая в 1368 году на смену монгольскому государству Юань и просуществовавшая почти триста лет, прекратила свое существование. Повстанцы вошли в столицу Пекин. В это время на северо-востоке образовалось новое государство маньчжуров. Вождь маньчжуров Нурхаци в 1616 году назвал свое государство Поздняя Цзинь — в память другого государства тоже маньчжурского племени чжурчжэней, существовавшего на севере Китая в 1118–1234 годах (маньчжурские правители считали себя наследниками чжурчжэней). Государство маньчжуров постепенно расширяло свои границы, и в 1636 году, уже выйдя к Великой Стене, приняло другое название — Цин. От дальнейшей экспансии удерживала Великая Стена. Когда Ли Цзы-чэн вошел в Пекин, один из военачальников призвал маньчжуров на помощь против повстанцев и открыл для них заставу Шанхайгуань. Маньчжуры быстро справились с Ли Цзы-чэном, но уходить обратно не желали и вскоре захватили Китай, распространив на всю страну название Цин. Маньчжурская династия правила в Китае до 1911 года.

Предки автора «Сна в красном тереме» принадлежали к древнему роду. Предполагали даже, что он восходит к знаменитому поэту, деятелю эпохи Троецарствия (220–264) Цао Цао. Но реально генеалогия семьи Цао восходит к одному из соратников Чжу Юань-чжана, основателя империи Мин. Имя этого предка, умершего в 1372 году, было Цао Лян-чэнь, он значительно способствовал укреплению власти нового повелителя Китая. Его сын Цао Цзюнь в начале XV века переселился из Центрального Китая на север, в Ляоян, на территории нынешней северо-восточной провинции Ляонин, где его потомки оставались на государственной службе и где их застало возвышение маньчжурского предводителя Нурхаци. Внук Цао Цзюня, прапрапрадед автора романа, Цао Си-юань, прапрадед Цао Чжэнь-янь, прадед Цао Си — все служили новой империи со дня ее образования и после того, как в 1636 году маньчжуры, дошедшие уже до Великой Стены, переименовали свое государство, дав ему имя Цин.

Маньчжуры свои войска подразделяли на «восемь знамен» (по числу основных и промежуточных частей света), причем инородцы в эти войска не допускались. Но уже очень скоро были образованы аналогичные «знамена» для монголов и для китайцев, отличившихся на маньчжурской службе, зачисление их в «восьмизнаменные войска» считалось особой честью. Члены семьи Цао с самого начала были зачислены в китайское (ханьское) войско Белого Знамени и активно участвовали как в завоевании маньчжурами Китая, так и в управлении завоеванными землями. Дед Цао Сюэ-циня (по другим сведениям — двоюродный дед) Цао Инь (1658–1712) служил в южных городах в нижнем течении Янцзы: в Сучжоу, Янчжоу, Цзяннине. Он управлял ткацкими императорскими мануфактурами в Цзяннине (южнее Нанкина) и одновременно был соляным инспектором в Янчжоу. Он прославился не только как администратор, но и как выдающийся культурный деятель, создатель одной из наиболее обширных частных библиотек и организатор книгопечатания. Имя его и до сих пор входит в число восьми наиболее прославленных ученых и литераторов города Янчжоу. После его смерти его дело ненадолго воспринял его сын Цао Юн (ум. в 1715 г.), а потом — племянник и приемный сын Цао Иня — Цао Фу, отец Цао Сюэ-циня. Цао Инь при жизни своей купил большой кусок земли на окраине тогдашнего Нанкина и разбил там великолепный парк, шедевр китайского садового искусства. Потом этот парк перекупил другой крупный литератор, прозаик и поэт, Юань Мэй (1716–1797), и под названием Сад Следования Природе (Суй юань) прославил в своих сочинениях. Но раньше того парк семьи Цао под названием «Сад Роскошных Зрелищ» (Да гуань юань) был детально описан в романе «Сон в красном тереме».

Цао Сюэ-цин, первое имя которого Цао Чжань, родился в 1715 году — как раз когда Цао Фу вступил в должность и во владение имуществом своего приемного отца. Цао Сюэ-цин рос в этом парке, и его восприятие мира в значительной степени воспитано было совершенством окружающих пейзажей. Однако как Цао Инь, так и его преемники слишком полагались на свое богатство и жили, что называется, не по средствам. Цао Фу получил

в наследство не только дела и имущество, но и огромные долги, которые семейство Цао так и не смогло никогда оплатить. В 1728 году после нескольких неудачных попыток погасить долги по указу императора Юн-чжэна (на троне в 1723—1736) все имущество семьи Цао было конфисковано, и славившаяся роскошью и хлебосольством семья впала в крайнюю бедность. Мы мало знаем о жизни Цао Сюэ-цинга вообще и в частности в этот последний период. Видимо, некоторое время после разорения семьи он жил в Янчжоу, потом перебрался на север, на северо-западной окраине Пекина купил домик недалеко от монастыря Лежащего Будды, где и писал свой роман. Сохранилось несколько обращенных к нему, а потом и оплакивающих его стихотворений, написанных его друзьями: братьями-поэтами маньчжурами Дуньчэном (ум. в 1791 г.), Дуньминем (1729—1796) и Чжан И-цзоанем, о жизни которого ничего другого не известно. Из стихов и из надписей на полях рукописей романа мы знаем, что в жизни Цао Сюэ-цинга было три женщины, одна из них рано умерла, две другие были его женами, причем последняя из них принесла ему счастье — но даже имен этих женщин мы не знаем. В 1763 году была эпидемия оспы, унесшая его сына и детей его друзей, и сам он, видимо заразившись от больного сына, умер в ночь под Новый год, который в переводе на наш календарь приходился на первое февраля 1764 года, и не дожил до своего пятидесятилетия.

Все исследователи романа «Сон в красном тереме» единодушно признают, что основной сюжета романа послужила история семьи Цао Сюэ-цинга и что главный герой — Цзя Бао-юй во многом напоминает автора романа. В самом деле — роман посвящен описанию жизни огромной семьи, очень богатой и разветвленной, имеющей родственные связи во всех самых богатых и знатных семьях города Цзиньлина (старое название Нанкина), где, кстати, и было громадное поместье в 1967 му, купленное Цао Инем и превращенное им в парк. В этом парке, получившем в романе название «сад Роскошных зрелищ», проходит жизнь семьи в удовольствиях и развлечениях. Денег в этой семье никто не считает. Главный герой Цзя Бао-юй, единственный наследник и баловень всей семьи, живет в окружении сестер — родных, двоюродных, троюродных — и их служанок. («Красный терем» есть китайское образное обозначение теремов, в которых живут девушки.) Девочки и мальчики постепенно взрослеют. Две из двоюродных сестер, Линь Дай-юй и Сюэ Бао-чай, — предмет особо нежных чувств подрастающего мальчика, чувство к Линь Дай-юй переходит в любовь. Когда встает вопрос о женитьбе Бао-юя, семья должна выбрать между Линь Дай-юй и второй сестрой. Дай-юй — девушка болезненная, от нее не ждут здорового потомства, и поэтому выбрана Бао-чай. Происходит почти библейская история: Бао-юй узнает, что его женили на Бао-чай, только в брачную ночь, Линь Дай-юй умирает от горя, а Бао-юй исчезает из дома, и только потом его встречает его отец Цзя Чжэн — его сын стал буддийским послушником. Этот основной стержень романа развивается на фоне множества судеб героев и героинь повествования. Судьбы сначала беззаботных молодых людей после разорения семьи оказываются несчастливими. Жизнь в «саду Роскошных зрелищ»

описана в подробнейших деталях: пейзажи и интерьеры, занятия и развлечения, праздники и приемы — все есть на страницах романа, вплоть до рецептов лекарств, прописанных больным. Воистину нет в литературе более подробной и достоверной энциклопедии китайской жизни, чем этот роман.

Все действие вставлено в изящную рамку. Во время сражения древних легендарных героев было пробито небо. Богиня-повелительница Нюй-ва собрала тридцать шесть тысяч пятьсот один камень, сплавив их вместе и залатала пролом. Но один камень остался. Побывав у нее в руках, он обрел волшебные свойства, мог увеличиваться и уменьшаться, передвигаться и разговаривать. Камень был найден двумя монахами — буддийским и даосским, они его куда-то унесли, а после камень вновь был обнаружен с записанными на нем судьбами людей в брэнном мире. Про эти записи (недаром другое название романа «Записи на камне», Ши тоу цзи) как раз и говорится, что Цао Сюэ-цинъ взял готовую историю и лишь обработал и упорядочил ее. Далее камень обнаруживают во рту только что родившегося Бао-юя, и он всегда носит его на шнурке на шее, не подозревая, что на камне записана вся его судьба и судьба всех его близких. Монахи еще несколько раз появляются на страницах романа и в конце концов уводят с собой его главного героя.

В истории расцвета и разорения семьи Цзя, несомненно, угадывается история семьи Цао Сюэ-цинъ. Но, конечно, это не точный сколок, и не только в деталях, но и в судьбах действующих лиц. Простой пример: одна из сестер Бао-юя — Цзя Юань-чунь — замужем за самим императором, и вплоть до своей смерти оказывает семье своих родителей покровительство. В семье автора среди родственников была двоюродная тетка Цао Сюэ-цинъ, мужем которой был член царствующего дома, но не император и даже уже не великий князь. И таких примеров можно привести много. В то же время две женщины в семье самого Цао Сюэ-цинъ как будто повторяют судьбу Линь Дай-юй и Сюэ Бао-чай. Это частый случай в истории мировой литературы: автор берет истинные события и реальных людей, но изменяет их судьбы так, как этого требует художественная правда.

3. ОТКРЫТИЯ XX ВЕКА И СУДЬБА РОМАНА

Предисловия к первому изданию романа говорили, что роман долгое время ходил в списках (чуть не тридцать лет), что автор не успел его закончить и что Гао Э завершил роман. Естественно, что исследователей всегда интересовало, что написал Цао Сюэ-цинъ, что добавил Гао Э и не искажил ли Гао Э замысел автора. Для решения этого вопроса всегда считалось важнейшей пятой главой романа. В этой главе рассказано о сне Бао-юя. Он попадает в «Область Небесных Грез», по которой его водит фея Цзин-хуань (имя ее значит «Пробуждающая от грез»). В числе прочего они слушают музыкальное представление, где каждая из арий содержит намек на судьбу одной из юных героинь романа (всего их двенадцать, и вместе они называются «двенадцать шпилек»). Кроме того, Бао-юй обнаруживает книги, где записаны судьбы

людей, и опять эти записи полны намеков, которые он не понимает, прочесть же разгадки этих намеков фея ему не позволяет — судьбы заранее никто не должен знать. Сопоставляя эти намеки, которые в значительной части находят свою разгадку по мере развития действия в романе, ученые пытаются выяснить, каков был первоначальный замысел Цао Сюэ-циня. Исследования эти весьма многочисленны, догадки многообразны. Всех их здесь не привести, но одной загадки стоит все-таки коснуться.

Кроме двух двоюродных сестер Линь Дай-юй и Сюэ Бао-чай, судьба которых в романе напоминает отношения самого Цао Сюэ-циня и его жен, в романе есть еще третья двоюродная сестра Ши Сян-юнь. Как и две другие, она носит фамилию, отличную от фамилии Цзя, а по китайским понятиям сочетаться браком не могли мужчина и женщина с одной фамилией — значит, брак ее с Бао-юем возможен. В шестьдесят второй главе романа рассказано, как опьяневшая после угощения на дне рождения Бао-юя Ши Сян-юнь уснула в саду на каменной скамейке. Потом Бао-юй находит возле скамейки оброненную ею статуэтку единорога-цилиндра, парная же статуэтка остается у Сян-юнь. Привычная символика парных предметов обычно намекает на брачный союз, и вряд ли случайно находит эту статуэтку именно Бао-юй. В окончательном тексте романа судьба Ши Сян-юнь, как, впрочем, и других героинь, трагична. Она выдана замуж, счастлива с мужем, но муж умирает, а она становится нищенкой. Между тем в относящихся к ней стихах, которые слышит и читает Бао-юй в своем сне, говорится о ее безбрежном счастье, «и только пора ее раннего детства была в ее жизни грустна». А если вспомнить, что в стихах друзей Цао Сюэ-циня говорится о последней его жене, с которой он был счастлив, то можно думать, что судьба Ши Сян-юнь должна была быть иной и что она должна была в конце выйти замуж за Бао-юя и принести ему счастье.

Это только один пример. В то же время намеки, рассеянные как во сне Бао-юя, так и в других частях романа, в подавляющем большинстве исследователями раскрыты, и серьезных отклонений от смысла этих намеков в последующих главах почти нет. Это лишний раз говорит о том, что Гао Э, завершая роман, старался строго следовать первоначальному замыслу Цао Сюэ-циня, однако несколько глав (около десяти) написаны не были или существовали только в набросках, и иногда можно заметить, что конечные главы как будто от авторского замысла отклонились.

Не только по предисловиям, но и по некоторым обнаруженным записям и стихам XVIII века можно видеть, что до его опубликования в печати роман ходил в рукописных копиях. Начало XX века совпало с обнаружением нескольких списков романа, причем все они, эти списки, обрывались на восьмидесятой главе, то есть содержали ту часть романа, в отношении которой авторство Цао Сюэ-циня несомненно. В настоящее время найдено тринадцать различных копий текста, причем все они друг от друга отличаются и носят на себе следы авторской правки, и только один из списков представляет собой полный текст в ста двадцати главах. Одна за другой эти рукописи издавались фотоспособом, и сегодня появилась возможность издать

полный критический текст романа с учетом всех расхождений в различных рукописях и изданиях. Изучением истории текста — и тем самым изучением творческой истории романа — занимались и занимаются многие ведущие специалисты, такие, как Ху Ши (1891–1962), Лу Синь (1881–1936), Юй Пинбо (1900–1989) и ныне здравствующий Чжоу Жу-чан. Благодаря их усердным трудам были установлены основные редакции романа. В рукописях, включающих восемьдесят глав, постоянное заглавие — «Записи на камне», но в тексте также упоминается и «Сон в красном тереме». Потом это второе название романа победило и закрепилось окончательно — в первоиздании. И хотя исследователи знают и первое название, тем не менее роман всегда называется вторым из них. Заметим, что список, включающий сто двадцать глав, тоже озаглавлен «Сон в красном тереме», и можно думать, что это тот оригинал, с которого печатали.

О популярности романа в Китае может свидетельствовать тот факт, что вскоре после так называемой культурной революции, в 1980 году, в Пекине в системе Академии общественных наук был организован отдельный Институт «Сна в красном тереме», во главе которого встал известный историк Фэн Ци-юн. Ему принадлежит заслуга координации научной деятельности многочисленных ученых и научных центров, где ведутся исследования романа. Выделилась особая отрасль науки, занимающаяся самыми разнообразными изысканиями, связанными с романом (эта отрасль науки получила название «хун сюэ», что по-русски можно перевести труднопроизносимым словом «хунлоумэноведение»). На Тайване ведущим специалистом в этой области является проф. Пань Чжун-гуй, крупный филолог и глубокий знаток текстов древнекитайской литературы.

Деятельность Института «Сна в красном тереме» не только организационная — хотя и эта деятельность очень важна: едва где-нибудь в Китае образуется новое общество любителей и исследователей романа, туда немедленно выезжает представитель института для составления общей программы. Сосредоточение всей информации в одном центре продвигает исследования романа вперед большими шагами. Продемонстрируем это на нескольких примерах.

До образования Института издание найденных списков ранних редакций производилось несистематически, многие списки оставались неизвестными широкому кругу специалистов. Так, в 1964 году Б. Л. Рифтин и автор данных строк опубликовали пространное сообщение о неизвестном списке романа, хранящемся в Ленинграде. Хотя это сообщение и вызвало интерес (в Японии, например, вскоре вышел перевод статьи), однако вопрос об издании рукописи встал только после того, как Институт востоковедения вошел в контакт с Институтом «Сна в красном тереме». Между тем рукопись представляет значительный интерес для вопроса об истории создания романа: в ней обнаружена правка, которую нельзя признать иною чем авторской. Кроме того, ленинградский (петербургский) список оказался единственным обнаруженным за рубежом — все остальные найдены и хранятся в Китае. Она была приобретена в 1832 году членом русской православной духовной

миссии в Пекине П. П. Курляндцевым (заметим, что в то время и в самом Китае рукописи романа не были известны). В 1986 году состоялось совместное издание полного текста списка фотоспособом, предисловие написали Л. Н. Меньшиков и Б. Л. Рифтин. Уже в 1987 году потребовалось переиздание: первого не хватило даже специалистам. Это издание завершило введение в науку наличных рукописей романа. Вскоре в Пекине (под редакцией Фэн Ци-юна) и в Тайбэе на Тайване (под редакцией Пань Чжун-гуя) были изданы критические издания, учитывающие разночтения во всех списках.

Другая линия исследований связана с историческим фоном, на котором создавался роман — и здесь пальма первенства, несомненно, принадлежит проф. Фэн Ци-юну. Под его руководством обнаружены и обследованы семейные кладбища семьи Цао, одно в провинции Ляонин, другие два, двух ветвей фамилии Цао, на севере современной провинции Хэбэй и на западе от Пекина. На основании найденных там записей была восстановлена подробнейшая генеалогия семьи Цао в нескольких ее ветвях в шестнадцать поколений, последним из которых оказалось поколение Цао Сюэ-цинся — на этом генеалогия обрывается. Последним в ветви Цао Иня оказывается человек по имени Цао Тянь-ю. Имена автора романа Цао Чжань и Цао Сюэ-цинся в родословной не обнаружены, но некоторые исследователи — одни со значительной долей сомнения, другие вполне уверенно — отождествляют его с Цао Тянь-ю. В любом случае ближайшее окружение и историю семьи удалось восстановить вполне достоверно, по подлинным документам, и параллель между семьями Цао в действительной жизни и семейством Цзя в романе устанавливается во многих деталях.

Другая находка Института и его руководителя Фэн Ци-юна — это небольшое поместье под Пекином, о котором мы уже упоминали. Это небольшой одноэтажный домик в четыре комнатки, обнесенный, как это обычно в Китае, каменной оградой выше человеческого роста. В одной из комнат, стены которой, как везде в обычном, не дворцового типа китайском жилище, покрыты штукатуркой и побелены, под поздним слоем побелки обнаружены стихотворные записи, причем одна из записей принадлежит, несомненно, хозяину дома. Это единственный автограф Цао Сюэ-цинся, нам достоверно известный. В домике сейчас музей. Вокруг него обширное поле, на север — горы, с запада расположены два монастыря, выдающиеся памятники китайской храмовой архитектуры: монастырь Лежащего Будды и монастырь Бирюзовых Облаков. Почти все сохранилось в том виде, как во время жизни автора романа, и можно представить себе обстановку, в которой роман создавался. Недаром проф. Фэн Ци-юн, когда писал свои исследования о жизни автора и его предков и об истории создания романа, любил посещать в парке Сяншань на склонах тех гор на западе, где расположен монастырь Бирюзовых Облаков.

В результате многолетних усердных поисков в литературе, современной Цао Сюэ-циню, удалось выяснить круг его друзей в последние годы жизни. Это, прежде всего, упоминавшиеся уже Дуньчэн, Дуньминь и Чжан И-цюань.

К ним надо добавить еще некоего Чжиху-соу, из записи которого на полях одной из рукописей мы узнали год смерти Цао Сюэ-циня. Но, может быть, самый значительный — человек, которого мы знаем только по его псевдониму Чжи-янь чжай — «Хозяин кабинета Коробочка для румян». Чжи-янь чжай оставил и на полях рукописей романа, и между строк, и в добавление к основному тексту множество своих заметок, которые дают в высшей степени важные сведения о творческой истории романа, об обстоятельствах жизни Цао Сюэ-циня и его семьи, а также критические замечания по тексту. Исходной точкой исследования романа всегда служили эти заметки — недаром они сейчас собраны воедино в книге тайваньского ученого Чэнь Цин-хао. По всему видно, что «Хозяин кабинета» — человек очень близкий автору романа. По некоторым особенностям языка можно думать, что это — уроженец города Янчжоу, где служил дед, а потом и отец Цао Сюэ-циня. Некоторые исследователи даже думают, что это — женщина, с которой списан образ одной из центральных фигур романа, двоюродной сестры героя романа Ши Сян-юнь. А если это так, то можно думать, что это не хозяин, а «хозяйка кабинета», и, может быть, вдова Цао Сюэ-циня, упоминаемая в одном из стихотворений Дуньчэна на смерть автора романа: «Со слезами выплеснут к благим Небесам голос его вдовы».

На южной окраине Пекина по плану и под руководством Фэн Ци-юна в последние два десятилетия разбит парк под названием «сад Роскошных зрелищ». Его создатель, внимательно следуя описанию сада, дворцовых построек и павильонов в романе «Сон в красном тереме», решил восстановить этот парк. Сейчас все необходимые постройки возведены или находятся в стадии завершения, вплоть до деревушек, где на окраине парка живут слуги. Прорыты ручейки и пруды, через них переброшены мостики. Строения украшены надписями, сочиненными по роману членами семьи Цзя. Памятуя, что в романе парк разбивают к приезду старшей сестры Бао-юя, императорской жены Юань-чунь, и что в честь ее, «государыни императрицы», на подмостках в парке было устроено представление, каждый год весной в воссозданном парке тоже устраивается представление «Приезд императрицы», где действующими лицами выступают персонажи романа. Неподдельная любовь к великому произведению Цао Сюэ-циня и энтузиазм его исследователей не могут не вызвать восхищения.

Сцена «Приезд императрицы» — не единственный эпизод из романа «Сон в красном тереме», легший в основу как пьес народного театра, так и книжек-картинок для детей и новогодних поздравительных картин. Содержанием всех этих произведений может быть и глава, где Ши Сян-юнь, опьяненная, засыпает на садовой скамейке, и сценка, в которой четыре красавицы ловят рыбу в пруду, и трагические судьбы служанки Юань-ян или двух сестер Ю, дальних родственниц семейства Цзя, и комические эпизоды с деревенской старухой Лю — и многое другое. В конце восьмидесятых годов в Китае был поставлен телесериал, где глава за главой показаны почти все основные линии сюжета романа «Сон в красном тереме», и сейчас изоб-

ражения артистов в роли героев и героинь романа перекочевали и на почтовые открытки, и на закладки для книг, и на иллюстрации к популярным песенкам романа...

В наше время роман находит все более и более широкого читателя. Раньше в литературных анекдотах отец, обнаружив, что дочка не спит по ночам и обливается слезами, читая роман, выражал по этому поводу свое крайнее неудовольствие. Ведь стержнем «Сна в красном тереме» все-таки является любовь Цзя Бао-юя и Линь Дай-юй, а девушке о таких вещах думать не полагалось. Теперь же при гораздо более свободных нравах никому не придет в голову запрещать детям и тем более подросткам читать ни «Сон в красном тереме», ни знаменитые пьесы о всепобеждающей любви — «Западный флигель» Ван Ши-фу (конец XIII — начало XIV вв.) или «Пионовую беседу» Тан Сянь-цзу (1550–1617) — обе пьесы, кстати, читают (тайком, конечно) две героини романа Линь Дай-юй и Сюэ Бао-чай.

4. «СОН В КРАСНОМ ТЕРЕМЕ» В РОССИИ И ЕВРОПЕ

В странах китайского культурного ареала роман «Сон в красном тереме» в течение всего XIX века переводить не приходилось: китайский язык был знаком любому образованному человеку, и в Японии или Корее роман читали в подлиннике. Перевод потребовался только в XX веке, когда классическое образование заменилось современным европеизованным и уже далеко не каждый мог читать по-китайски. Тогда-то, в 1920 году, и появились массовые переводы китайской классической литературы на японский язык, в том числе и перевод «Сна в красном тереме», выполненный Юкида Роханом и Хираока Рюдзё, сопровождавшийся для желающих и подлинным китайским текстом. Потом выходили и другие переводы, издаваемые неутомимым проповедником произведений мировой литературы издательством «Иванами сётэн».

Россия и Европа по понятным причинам китайскую литературу в подлиннике не читали, для знакомства с нею потребны были переводы. И они появились — силами русских и европейских Китаеведов. Первыми здесь были русские, ученики Пекинской духовной миссии. Их заслуга не только в приобретении одной из рукописей ранней редакции романа, о которой мы уже писали. Ученик миссии А. И. Кованько, возвратившись из Китая в 1836 году, опубликовал под псевдонимом Дэ Мин очерки под названием «Поездка в Китай» (журнал «Отечественные записки» за 1841–1843 годы). К заключительной части он приложил перевод вступления к первой главе «Сна в красном тереме», и это было первой попыткой в Европе продемонстрировать шедевры китайской литературы на образцах. Частичные переводы отдельных глав и фрагментов романа включались постоянно русскими Китаеведами в их учебные программы в Университете. Ведущий Китаист XIX века акад. В. П. Васильев впервые в мире издал «Очерк истории китайской литературы» в составе «Всеобщей истории литературы» В. Ф. Корша (1880). Подобного очерка до того не было не только в западных странах,

но и в самом Китае. Включив в свой очерк китайскую повествовательную прозу, В. П. Васильев особо отметил как выдающееся произведение, могущее стать наравне с шедеврами мировой литературы, роман «Сон в красном тереме».

В европейских странах роман тоже появился сначала в избранных фрагментах. В Англии в 1868 году вышли первые восемь глав в переводе Е. Боура, в 1885 году — переводы главы тогдашнего английского китаеведения Герберта Джайлза, в 1919 году — переложение одного из знаменитейших в Англии переводчиков китайской литературы Артура Уэйли. Немецкий перевод Франца Куна вышел в 1932 году, французский в избранных фрагментах — в 1933 году.

Все перечисленные переводы были в той или иной мере адаптированы, приспособлены к привычным представлениям о литературе тех культур, на язык которых делался перевод, или представлены в избранных, наиболее, по мнению переводчиков, интересных для читателя отрывках. Перевод романа во всех деталях, составляющих его особую прелесть, казался европейским переводчикам громоздким и для западного читателя неудобочитаемым — и это несмотря на то, что сходные произведения Стерна, Филдинга, Рабле, Шодерло де Лакло читались и читаются с большим интересом и подробные их описания не отпугивают читателей.

Эту боязнь сохранения подлинного облика переводимого произведения смог преодолеть в себе русский переводчик В. А. Панасюк. Он сначала перевел на русский язык, ничего не опуская, сложнейший исторический роман «Троецарствие» Ло Гуань-чжуна, полный описаний сражений, перечней титулов и должностей и множества исторических подробностей. И, уже имея опыт такого перевода, приступил к «Сну в красном тереме». Переводчик старался передать по-русски все бесчисленные бытовые детали, в изобилии встречающиеся на страницах романа — и в этом преуспел, хотя, может быть, при проверке бдительным взглядом специалиста по китайскому быту кое-что может нуждаться в поправках (как это случилось после проверки знатока истории китайской одежды Л. П. Сычова — он предложил целый ряд уточнений к названиям одежды и деталей одежды), но это, видимо, дело будущего и грядущих переводчиков, ибо В. А. Панасюка уже нет в живых, он умер в 1990 году, едва начав готовить новое издание романа в исправленном переводе. Также впервые были переведены все стихи без исключения, встречающиеся в романе. Переводчик — автор данных строк — столкнулся с многими трудностями, главная из которых состояла в том, что стихи эти — не просто стихотворные вставки, они сочиняются действующими лицами романа и служат их характеристике. Переводчик — кроме стремления к наибольшей точности перевода по тексту — старался передать также и разнообразие написанного в подлиннике.

Так или иначе, перевод В. А. Панасюка состоялся и давно уже имеет своего благодарного читателя. Думается, под впечатлением проделанной им работы был предпринят такой же полный перевод на английский язык. Первые три тома — начальные восемьдесят глав — под названием «История кам-

ня, или Сон в красном тереме» в переводе Д. Хоукса вышли в Англии в 1976–1978 годах. Еще два тома, заключительные сорок глав, в переводе Дж. Минфорда, появились в 1982 году. Англоязычная публика, таким образом, вслед за русским читателем стала обладательницей полного, неадаптированного текста великого романа.

При значительно возросшем за последние два десятилетия интересе нашего читателя к восточной, в частности китайской, классике, переиздание романа по-русски стало необходимым: первое издание, вышедшее в 1958 году, давно уже — чуть ли не с момента его выпуска в свет — стало библиографической редкостью. Переводчик В. А. Панасюк начал было сверять текст перевода для нового издания, но сделать этого не успел. Переводчик стихов в значительной части тоже проверил и поправил свои переводы, стараясь не нарушить согласования между прозаическими и стихотворными частями романа. В этом слегка поправленном виде издательство переиздает перевод Панасюка со стихами в переводе Меньшикова, надеясь удовлетворить этим читательский спрос.

Л. Н. Меньшиков

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

повествующая о том, как Чжэнь Ши-инь в чудесном сне узнал об изумительной яшме и как Цзя Юй-цунь в мирской пыли мечтал о подруге жизни

Вот первая глава, которой начинается повествование. Мне, автору этой книги, самому пришлось пережить когда-то период чудесных снов, поэтому я решил воспользоваться сказанием о чудесной яшме, чтобы поведать миру «Записи на камне», скрыв подлинные события и факты. Поэтому и героя своего я назвал «Чжэнь Ши-инь»¹.

О каких же событиях, о каких людях рассказывается в этой книге? — спросите вы.

И вот что я отвечу: ныне, когда жизнь окончательно сломила меня, когда удачи перестали сопутствовать мне, я вдруг вспомнил о девушках минувших дней, тщательно сравнил себя с каждой из них и пришел к выводу, что их взгляды и поступки намного возвышеннее моих собственных, а мои пышные брови и усы, право же, не стоят их шпилек и юбок. Мне стало чрезвычайно стыдно от этого, но раскаиваться было бесполезно — время ушло, теперь уж ничего не исправишь! И тогда мне захотелось рассказать Поднебесной о тех днях, когда, пользуясь милостями неба и добродетелями предков, я носил дорогие парчовые халаты и белые шелковые штаны, сладко пил и сытно ел, а потом, презрев родительские наставления и советы учителей и друзей, без пользы загубил свои, еще не развившиеся таланты и бесцельно прожил вторую половину жизни, совершив тем самым тягчайшее преступление.

Пусть сам я грешен — сознаюсь в этом, — но при чем здесь обитательницы женских покоев? Ведь не должны они оставаться в неизвестности только потому, что я когда-то был непутевым, а теперь пожелал бы умолчать о своих прежних недостатках!

Да, именно поэтому я и должен писать. Ни жесткий плетеный стул, ни дымный очаг в моей убогой лачуге не могут помешать мне осуществить заветную мечту. Да и утренний ветерок и вечерняя луна, ивы у крыльца и цветы во дворе вызывают во мне желание взяться за кисть. Правда,

---

¹ *Чжэнь Ши-инь* по-китайски звучит так же, как слова «скрывать подлинные события», но имеет отличное написание.

Литературно-художественное издание

ЦАО СЮЭ-ЦИНЬ
СОН В КРАСНОМ ТЕРЕМЕ
ТОМ 1

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Михаила Львова
Подготовка иллюстраций Дмитрия Кабакова
Корректоры Дарья Захарова, Анна Парфенова,
Дмитрий Капитонов, Людмила Дубовая

Подписано в печать 21.09.2023. Формат издания 60 × 88^{1/16}.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 54,88.
Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» –
обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-ILN-33044-01-R